

MARIUS IN SALLUST

A. V. Korolenkov

The author reflects upon various aspects of Marius' figure as depicted by Sallust. Although this topic has attracted scholars' attention quite often, the author thinks that the key explanation of Sallust's view on Marius' conduct has not yet been found. The explanation that the author puts forward is connected with Marius' attitude to *fors–fortuna*. After the oracle of Utica had given him advice to try his fortune as often as possible and to be confident in its benevolence that Marius' «fall» began. This is reflected in his quarrel with Metellus and his struggle for consulate, which acquired the character of a party row. When Sallust describes Marius' speech after his election, he has in mind the armies of the civil war rather than the legions going to fight against Jugurtha. (Being instigators of a civil war, Marius and Sulla were not considered by Sallust as bearers of *virtus*: Marius' *virtus* was recognised by his partisans only; as for the future dictator, the word is never applied to him at all.) But when Marius acts without trusting *fortuna*, his action are regarded as quite positive. Following this line Sallust, e.g., justifies the slaughter of the inhabitants of Capsa after its surrender, for their loyalty could not be relied upon. The seizure of the Muluca citadel, on the contrary, is definitely underrated by Sallust, for in his view *fortuna* played a decisive role in the event. Only when Marius gives up his confidence in fortuna, he becomes an ideal general and the true defeater of Jugurtha. One can guess that such confidence (in the prediction of seven consulates for him) would afterwards become the cause of Marius' new moral fall.

© 2008 г.

А. В. Махлаюк

РИМСКИЙ ПОЛКОВОДЕЦ В СИТУАЦИИ СОЛДАТСКОГО МЯТЕЖА: ЖЕСТЫ И ЭМОЦИИ*

В той части современной историографии, которую можно назвать антропологически ориентированной (если не сказать «антропоцентрической»), изучение потестарных систем и политических отношений не ограничивается институциональными, публично-правовыми, идеологическими ракурсами. Предметом пристального исследовательского внимания – в том числе и со стороны антиковедов – становятся ритуально-символические, знаковые и социально-психологические механизмы репрезентации и функциони-

* Отдельные положения данной статьи излагались нами в докладах на X Чтениях памяти профессора Н.П. Соколова в Нижегородском государственном университете в ноябре 2006 г. и на семинаре в Институте классического антиковедения при Университете им. Мартина Лютера, Галле-Виттенберг в сентябре 2007 г. Выражаю признательность всем российским и немецким коллегам, принимавшим участие в обсуждении этих докладов, в особенности профессору Андреасу Мелю. Ответственность за представленные выводы, разумеется, полностью лежит на авторе.

рования власти¹, которые в классическом Риме были связаны в первую очередь с публичным красноречием. Соответственно римское ораторское искусство в последнее время все больше изучается именно в этих своих аспектах². При этом более углубленно, с позиций самых разнообразных подходов, включая гендерный и семиотический, исследуются разного рода ораторские приемы и – шире – потестарные практики, в том числе и жесты, использовавшиеся в римском обществе, то, что Цицерон определил в одном из своих диалогов как *sermo corporis* (Orat. 17. 56)³.

¹ См., например: Бессмертный Ю.Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории // *Одиссей. Человек в истории*. 1995. М., 1995. С. 5–19. В числе наиболее важных и интересных исследований последнего времени, посвященных изучению данной проблематики на римском материале, можно указать: Wallace-Hadrill A. *Civilis Princeps: Between Citizen and King* // JRS. 1982. 72. P. 32–48; Lendon J.E. *Empire of Honour. The Art of Government in the Roman World*. Oxf., 1997; Ando C. *Imperial Ideology and Provincial Loyalty in the Roman Empire*. Berkeley-Los Angeles, 2000; Hölkamp K.-J. *SENATUS POPULUSQUE ROMANUS: Die politische Kultur der Republik – Dimensionen und Deutungen*. Stuttgart, 2004; Bell A.J.E. *Spectacular Power in the Greek and Roman City*. Oxf., 2004; Seelentag G. *Taten und Tugenden Traians. Herrschaftsdarstellung im Principat*. Stuttgart, 2004; Badel Chr. *La nobless de l'Empire romain: Les masques et la vertu*. Champ Vallon, 2005; *Imaginary Kings. Royal Images in the Ancient Near East, Greece and Rome* / Ed. O. Hekster, R. Fowler. Stuttgart, 2005; Sumi G.S. *Ceremony and Power. Performing Politics in Rome between Republic and Empire*. Ann Arbor, 2005; Смышляев А.Л. Римский наместник в провинциальном городе: стиль управления в эпоху Принципата // *Древнее право*. 2006. 1(17). С. 65–71. Общие обзоры новейшей литературы по этой теме см. в работах: Hölkamp K.-J. *Rekonstruktion einer Republik. Die politische Kultur des antiken Rom und die Forschung der letzten Jahrzehnte*. München, 2004; Дементьева В.В. «Харизматическое господство»: концепция Макса Вебера в современной романистике // *Tabularium. Труды по антиковедению и медиевистике*. Т. 2. М., 2004. С. 101–118; она же. Современное антиковедение: изучение римской политической культуры // *Античная история и классическая археология*. М., 2006. С. 50–63.

² Из новых исследований см., например: *Leaders and Masses in the Roman World: Studies in Honor of Zvi Yavetz* / Ed. I. Malkin, Z.W. Rubinsohn. Leiden, 1995; Bell A.J.E. *Cicero and the Spectacle of Power* // JRS. 1997. 87. P. 1–22; O'Neil P. *A Culture of Sociability: Popular Speech in Ancient Rome*. PhD Diss. Los Angeles, 2001; *Roman Eloquence. Rhetoric in Society and Literature* / Ed. W.J. Dominik. L.–N.Y., 1997; Millar F. *Politics, Persuasion, and the People, before the Social War (150–90 B.C.)* // JRS. 1986. 76 (= *idem*. *Rome, the Greek World, and the East. The Roman Republic and the Augustan Revolution*. Vol. I. Chapel Hill–London, 2002 P. 143–161); *idem*. *The Crowd in Rome in the Late Republic*. Ann Arbor, 1998; Morstein-Marx R. *Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic*. Cambr., 2004; Connolly J. *The State of Speech. Rhetoric and Political Thought in Ancient Rome*. Princeton, 2007; Ronning Chr. *Herrscherpanegyrik unter Trajan und Konstantin. Studien zur symbolischen Kommunikation in der römischen Kaiserzeit*. Tübingen, 2007. Это же относится и к греческим ораторским практикам. См. Кудрявцева Т.В. Тяжущиеся на беме: речи и поведение сторон в афинском народном суде // ВДИ. 2008. № 1. С. 3–17, с дальнейшей литературой.

³ См., в частности: David J.-M. «*Eloquentia popularis*» et conduits symboliques des orateurs de la fin de la République: problèmes d'efficacité // *Quaderni di storia*. 1980. 6. 12. P. 171–211; Graf G. *Gesture and Conventions: The Gestures of Roman Actors and Orators* // *A Cultural History of Gesture* / Ed. J. Bremmer, H. Roodenburg. Ithaca–New York, 1992. P. 36–58; Barton C. *All things Besem the Victor: Paradoxes of Masculinity in Early Imperial Rome* // *Gender Rhetoric: Posture of Dominance and Submission in History* / Ed. R.C. Trexler. Binghampton–New York, 1994. P. 83–92; Gleason M. *Making Men: Sophists and Self-Presentation in Ancient Rome*. Princeton, 1995; Gunderson E. *Discovering the Body in Roman Oratory* // *Parchments of Gender. Deciphering the Bodies of Antiquity* / Ed. M. Wyke. Oxf., 1998. P. 169–190; Aldrete G.S. *Gesture and Acclamation in Ancient Rome*. L., 1999; Corbeill A. *Political Movement: Walking and Ideology in Republican Rome* // *The Roman Gaze. Vision, Power, and the Body* / Ed. D. Frerick. Baltimore, 2002. P. 182–215; *idem*. *Nature Embodied: Gesture in Ancient Rome*. Princeton–Oxford, 2004; Bartsch Sh. *The Mirror of the Self. Sexuality,*

Другим интенсивно развивающимся направлением в новейшей историографии является изучение мира эмоций, специфических способов и форм их выражения⁴. Понятно, что обе эти сферы – репрезентация власти и эмоциональные проявления (как властвующих, так и подвластных) – нередко пересекаются, образуя живую ткань того или иного исторического события, и их исследование, несомненно, открывает новые возможности для более глубокого понимания прошлого.

В свете новейших работ по названному кругу проблем – а также в связи с актуальной практикой современного политического процесса, в которой едва ли не первостепенную значимость приобретает то, что именуется словом «пиар», – все более очевидным становится, что и в обществах прошлого соответствующие феномены играли огромную, подчас определяющую роль, возможно, даже более важную, чем сейчас, когда государственно-политическая сфера в несравненно большей степени основывается на бюрократических институтах, «механизированной» пропаганде, а не на персональных, межличностных отношениях, определявших коммуникативные практики, характерные для традиционных обществ⁵. Политика всегда имеет свою «грамматику», диктующую *акторам* политической сцены правила поведения, определяющие соответствующий «язык» (в семиотическом смысле) этого поведения, «язык», который предназначен, среди всего прочего, и для установления контактов, взаимодействия, достижения консенсуса между властвующими и подвластными, для разрешения возможных конфликтов. Понятно, что чем сложнее общество, чем больше дистанция между правящей элитой и массой, тем изощреннее должен быть этот «язык», чтобы общественно-политическая система могла функционировать с достаточной эффективностью.

Взаимоотношения военачальников и войска не являются в этом плане исключением, хотя, казалось бы, в массовой регулярной армии различные стороны и формы отношений между начальствующими и подчиненными определяются четкими, жестко формализованными правилами, фиксируемыми военным правом, уставами и т.д. На деле, однако, между этими формализованными правовыми предписаниями и реальными модусами поведения в разнообразных конкретных ситуациях возникает «дистанция огромного размера», и на первый план выходят совершенно иные способы регулирования отношений и разрешения конфликтов, способы, которые сводятся не только к ораторскому искусству

Self-Knowledge, and the Gaze in the Early Roman Empire. Chicago, 2006. В семантическом ключе исследуются также позы и жесты пирующих римлян: *Roller M.B.* Dining Posture in Ancient Rome: Bodies, Values, and Status. Princeton, 2006.

⁴ В ряду работ, посвященных этой тематике, отметим следующие: *The Passions in Roman Thought and Literature* / Ed. S.M. Braund, Chr. Gill. Cambr., 1997; *Kaster R.A.* The Shame of the Romans // *TAPhA.* 1997. 127. P. 1–9; *idem.* Emotion, Restraint, and Community in Ancient Rome. Oxf., 2005; *Barton C.A.* Roman Honor. The Fire in the Bones. Berkeley–Los Angeles–London, 2001; *Harris W.V.* Restraining Rage: The Ideology of Anger Control in Classical Antiquity. Cambr. (Mass.), 2002; *Ancient Anger. Perspectives from Homer to Galen* / Ed. S. Braund, G.W. Most. Cambr., 2004.

⁵ Современными исследователями отмечаются также и различия между соответствующими традициями и практиками греков и римлян, в частности, указывается, что римское ораторское искусство в большей степени, нежели эллинское, апеллировало к внешним проявлениям эмоций, а не только к рассудку. См. *Pöschl V.* Zur Einbeziehung anwesender Personen und sichtbarer Objekte in Ciceros Reden // *Ciceroniana. Hommage à Kazimierz Kumaniecki* / Ed. A. Miché, R. Verdière. Leiden, 1975. S. 215; *Corbeill.* Political Movement... P. 185; *Bell.* Cicero and the Spectacle of Power. P. 2 f.

полководца, как таковому⁶, но и, не в последнюю очередь, к специфическим знаково-символическим, ритуализированным действиям. Действия эти призваны минимизировать напряжение, возникающее в сложных боевых обстоятельствах или политических ситуациях, в первую очередь путем сокращения того огромного расстояния, которое отделяет командующего от рядовой воинской массы. Цель этих действий состоит и в том, чтобы создать непосредственную эмоциональную связь, некое психологическое «отождествление» рядового бойца и верховного военного лидера, с тем, чтобы сплотить армию как единое целое. Очевидно, что данный фактор приобретает особое значение в том случае, когда военный предводитель выступает одновременно и как политический лидер. А именно так обстояло дело в древнем Риме, где – в силу аристократического устройства государства – политическое и военное лидерство было фактической монополией знати, тогда как простые воины представляли суверенный коллектив граждан⁷. С установлением же Принципата суть дела принципиально не меняется, существенно лишь то, что теперь император объединяет в своем лице и верховного правителя и главнокомандующего, выступая вместе с тем как главный и единственный покровитель (патрон) войска⁸.

Изложенные соображения необходимо иметь в виду при рассмотрении воинского мятежа как особой формы взаимоотношений между носителем военной власти и подчиненными ему войсками. Уже давно было отмечено то примечательное обстоятельство, что в истории римской армии обнаруживается парадоксальное сочетание суровой дисциплины, твердой власти командующих и достаточно частых случаев открытого неповиновения воинов, причем не только во времена политических междоусобиц и гражданских войн⁹. Воинские мятежи

⁶ На значение вербальной коммуникации во взаимоотношениях военачальника и войска в древнем Риме справедливо указывается в современной научной литературе. См. *Махлаюк А.В.* Роль ораторского искусства полководца в идеологии и практике военного лидерства в древнем Риме // ВДИ. 2004. № 1. С. 31–48, с основной литературой, к которой можно добавить: *Moore R.L.* The Art of Command: The Roman Army General and his Troops, 135 BC – 138 AD. PhD Diss. Michigan, 2002. P. 190–195, 214 ff., 227; *Rowe G.* Princes and Political Cultures: The New Tiberian Senatorial Decrees. Ann Arbor, 2002. P. 155 ff.

⁷ И такое положение в принципе сохранялось и в период Ранней империи. См. *Flaig E.* Den Kaiser herausfordern: Die Usurpation im Römischen Reich. Frankfurt–New York, 1992. S. 164–168; *Campbell J.B.* War and Society in Imperial Rome 31 BC – AD 284. L.–N.Y., 2002. P. 26 (ср. *idem.* The Emperor and the Roman Army 31 BC – AD 235. Oxf., 1984. P. 14); *Gilliver K.* The Augustan Reform and the Structure of the Imperial Army // A Companion to the Roman Army / Ed. P. Erdkamp. Oxf., 2007. P. 185; *Wesch-Klein G.* Recruits and veterans // A Companion to the Roman Army. P. 435. Ср. также *Raaflaub K.A.* Die Militärreformen des Augustus und politische Problematik des frühen Prinzipats // Saeculum Augustum I. Herrschaft und Gesellschaft / Hrsg. von G. Binder. Darmstadt, 1987. S. 258 ff.; *Махлаюк А.В.* Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб., 2006. С. 142 слл., 171 слл.

⁸ *Махлаюк А.В.* Войсковая клиентела в позднереспубликанском и раннеимперском Риме // ВДИ. 2005. № 3. С. 36–57.

⁹ *Messer W.St.* Mutiny in the Roman Army // CPh. 1920. 15. P. 158–175. См. также *Chrissanthos S.G.* Seditio. Mutiny in the Roman Army, 90–40 BC. PhD Diss. Los Angeles, 1999; *Brice L.L.* Holding a Wolf by the Ears: Mutiny and Unrest in the Roman Military, 44 B.C. – A.D. 68. PhD Diss. Chapel Hill, 2003. Сводку свидетельств о военных мятежах в римской истории до начала Принципата и комментариев к ним см. в работе: *Gabba E.* Le rivolte militari romane dal IV secolo a. C. ad Augusto. Firenze, 1975.

не являются чем-то исключительным и случайным в римской истории¹⁰. И в эпоху Империи, как и при Республике, сохранение дисциплины и повиновения войск было для правителей немалой проблемой, которую император Тиберий, используя римскую поговорку, образно определил как *lupum auribus tenere* – «держат волка за уши» (Suet. Tib. 25. 1)¹¹.

Нам уже приходилось писать о том, что в отличие от русского бунта – «бессмысленного и беспощадного», по известному определению Пушкина, – солдатский мятеж в Риме мог быть беспощадным, но его в целом все же нельзя назвать бессмысленным¹². Многие особенности солдатских волнений вписываются в общие параметры римской политической культуры, форм взаимодействия властвующих и подвластных¹³. В данной работе хотелось бы рассмотреть только одну характерную особенность поведения военачальника перед лицом отказывающего ему в повиновении войска, сосредоточившись в первую очередь на анализе тех неформальных (отчасти имплицитных) средств, символически и семантически значимых жестах и формах проявления эмоций, которые могли использоваться полководцем в столь экстремальной ситуации, как *seditio militum*.

В научной литературе, уделяющей с недавнего времени немалое внимание изучению феномена римского солдатского мятежа и различным формам взаимоотношений полководцев с рядовыми¹⁴, уже обращалось – хотя только в об-

¹⁰ Л. Брайс, рассматривая общие причины солдатских мятежей в римской армии с военно-социологической точки зрения, отмечает, что они связаны как с закрытым характером воинского сообщества, концентрацией больших масс вооруженных людей, привычных к насилию, и тем психологическим напряжением, которое обусловлено тяготами и опасностями службы, так и с отсутствием у солдатской массы мирных способов выражения жалоб и недовольства (Brice. Op. cit. P. 64–65, 456). Последний фактор, на наш взгляд, нуждается в конкретизации, поскольку римские легионеры всегда располагали такими вполне институционализированными средствами для выражения своей воли и требований, как заявление жалоб «по команде», через своих центурионов, и воинская сходка, которая отнюдь не была простым ритуалом консенсуса, но во многих случаях имела «диалогический» характер, и такая открытость носителя военной власти для коммуникации с подчиненными, очевидно, была связана с гражданским статусом легионеров. Подробнее об этом см. Махлаюк. Солдаты Римской империи... С. 208–227. Ср. Brice. Op. cit. P. 72; David J.-M. Les *contiones* militaires des colonnes Trajane et Aurélienne: les nécessités de l'adhésion // Autour de la colonne aurélienne. Geste et image sur la colonne de Marc Aurèle à Rome / Ed. par J. Scheid, V. Huet. Turnhout, 2000. P. 213, 225; Moore R.L. The Art of Command... P. 227. Мнение о воинской сходке как о ритуальной и символической форме выражения общественно-го консенсуса высказывает Э. Флайг (Flaig. Den Kaiser herausfordern... S. 159 ff.).

¹¹ Brice. Op. cit. P. 2.

¹² См. Махлаюк. Солдаты Римской империи... С. 228 слл.

¹³ Rowe. Op. cit. P. 155, 162 f.

¹⁴ В дополнение к указанным выше исследованиям можно добавить: Blois L. de. The Roman Army and Politics in the First Century Before Christ. Amsterdam, 1987; *idem*. Army and Society in the Late Roman Republic: Professionalism and the Role of the Military Middle Cadre // Kaiser, Heer und Gesellschaft in der römischen Kaiserzeit. Gedenkschrift für Erick Birley / Hrsg. G. Alföldy, B. Dobson, W. Eck. Stuttgart, 2000. P. 11–32; *idem*. Army and General in the Late Roman Republic // A Companion to the Roman Army / Ed. P. Erdkamp. Oxf., 2007. P. 164–180; Schuller W. Soldaten und Befehlshaber in Caesars «Bellum civile» // Leaders and Masses in the Roman World. Studies in Honour of Zvi Yavetz / Ed. I. Malkin, Z.W. Robinson. Leiden, 1995. S. 189–199; Ash R. Ordering Anarchy: Armies and Leaders in Tacitus' Histories. L., 1999; Stäcker J. *Princeps und miles*. Studien zum Bindungs- und Nachverhältnis von Kaiser und Soldat im 1. und 2. Jahrhundert n. Chr. Hildesheim; Zürich–New York, 2003; Birley A. Making Emperors. Imperial Instrument or Independent Force? // A Companion to the Roman Army / Ed. P. Erdkamp. Oxf., 2007. P. 379–394. См. также серию работ Е.П. Глушанина, посвященных солдатским мятежам в Поздней

щем виде – внимание на достаточно частое использование такого способа выражения эмоций и таких жестов, как слезы и плач военачальника, его появление перед воинами в грязных разорванных одеждах, демонстрация им готовности покончить с собой¹⁵. Отмечались исследователями и некоторые общие особенности эмоционального мира древних римлян, связанные с публичными рыданиями и т.п. жестами, в частности поразительный контраст между весьма сдержанными позами и довольно угрюмым выражением лица римских портретных статуй, с одной стороны, и экстравагантным, на современный взгляд, выражением эмоций на публике, которое позволяли себя многие знатные римляне в определенных ситуациях, например в судебных заседаниях, – с другой¹⁶. Но специально содержательному анализу «слез полководца» перед мятежными солдатами посвящено, насколько мы можем судить, лишь несколько страниц в недавней работе Э. Флайга, в разделе, где рассматриваются жесты, использовавшиеся в римской политической практике¹⁷. Он разбирает только два примера, связанных с именами Помпея и Лукулла (Plut. Pomp. 13; Lucul. 35).

Вкратце суть этих эпизодов такова. Помпей, действовавший против марианцев в Африке, получил приказ Суллы распустить войско и с одним легионом ожидать преемника по командованию. Воины не пожелали покинуть своего полководца и вернуться на родину. Уговоры на сходке на них не подействовали, и Помпей в слезах удалился в свою палатку, а когда солдаты вернули его на трибуну, он продолжал упрашивать их подчиниться и добился повиновения только после того, как поклялся, что наложит на себя руки, если они не вернутся к порядку. Лукулл же, столкнувшись с неповиновением бывших легионеров Фимбрии, отказавшихся продолжать поход против Митридата, вынужден был со слезами обходить солдатские палатки, уговаривая воинов подчиниться, но успеха так и не достиг.

Немецкий исследователь, анализируя данные эпизоды с семантической точки зрения, указывает, что слезы являются важным элементом политического поведения в Риме вообще и, в отличие от других политически значимых жестов,

империи: Глушанин Е.П. Ранневизантийский военный мятеж и узурпация в IV в. // Актуальные вопросы истории, историографии и международных отношений. Сб. науч. статей. Барнаул, 1996. С. 24–36; он же. Позднеримский военный мятеж и узурпация в эпоху первой тетрархии // Античная древность и Средние века. Екатеринбург, 1998. С. 9–20; он же. Позднеримский военный мятеж и узурпация в первой половине IV века // Вопросы политологии. Вып. 2. Барнаул, 2001. С. 120–130.

¹⁵ См. Veyne P. Le pain et le cirque. Sociologie historique d'un pluralisme politique. P., 1976. P. 313 suiv., 401 suiv.; Goldsworthy A. The Roman Army at War 100 BC – AD 200. Oxf., 1996. P. 148; Moore R.L. The Art of Command... P. 8, 20; Chrissanthos. Seditio. Muti-ty... P. 124.

¹⁶ McMullen R. Romans in Tears // CPh. 1980. 75. 3. P. 254–255. Ср. Barton. Roman Honor... P. 231: «The Romans did not have to perpetually display of 'stiff upper lip'. They indulged in public displays of embarrassment and weeping that we do not». Ср. также с оценкой К. Бартона такой формы проявления эмоционального состояния, как способность краснеть: Barton C.A. The Roman Blush: The Delicate Matter of Self-Control // Constructions of the Classical Body / Ed. J.I. Porter. Michigan, 1999. P. 216–217. Слезам и плачу в древнем Риме кроме названной работы Р. МакМаллена посвящена, насколько нам известно, только одна специальная работа, в которой данная тема рассматривается на материале «Метаморфоз» Овидия: Hollenburger-Rusch C. *Liquitur in lacrimas*. Zur Verwendung des Tränenmotivs in den Metamorphosen Ovids. Hildesheim–Zürich–New York, 2001.

¹⁷ Flaig E. Ritualisierte Politik. Zeichen, Gesten und Herrschaft im Alten Rom. Göttingen, 2004. S. 110–115.

они означали утрату самоконтроля и вместе с тем обладали немалой экспрессивной силой, способствуя установлению эмоциональной близости с теми, к кому адресовалось такого рода обращение. В случаях с Помпеем и Лукуллом важное значение имеет еще и радикальная смена места коммуникации¹⁸: вместо выступления перед воинской сходкой с трибунала военачальник обходит солдатские палатки и упрощает подчиненных: это означает совмещение двух ритуализированных действий, обозначавшихся в Риме понятиями *ambitio* и *supplicatio* (букв. «обхаживание», т.е. обход кандидатом на должность сограждан-избирателей, и «изъявление покорности» в широком смысле, в более узком культовом смысле – «благодарственное молебствие»). Таким образом, по своей семантической структуре подобное поведение полководца основывается на двух парах оппозиций: во-первых, это самоконтроль, характерный для носителя военной власти в обычной ситуации, и его отрицание в случае со слезами; во-вторых, это социальная иерархическая дистанция (между командующим и массой рядовых воинов) и ее отрицание в обращении к солдатам с уговорами и слезными просьбами. Эффективность же использования такого модуса поведения, по заключению Флайга, зависела от наличия личных эмоциональных связей военачальника и войска.

Понятно, что двумя эпизодами, разобранными в книге Э. Флайга, подобного рода факты не ограничиваются, и стоит обратиться к более широкому кругу свидетельств, чтобы проверить и, по возможности, внести уточнения в выводы немецкого исследователя.

Имея перед глазами расхожий образ суровых римских военачальников, которые исполнены *dignitas* и *gravitas* и призваны в силу самого своего положения и традиционных установок проявлять в отношениях с подчиненными прежде всего непреклонную *severitas*, как один из элементов *mos maiorum*¹⁹, или воздействовать на воинов убеждением, реализуя то, что Саллюстий называет *civile imperium* – «достойное гражданина командование» (В. Iug. 85. 35), и проявляя такое качество, как *comitas* («обходительность»)²⁰, или же, приспосабливаясь к переменчивым настроениям легионеров времен гражданских войн, прибегать к заискиванию, щедрым наградам и просто к подкупу, нам в общем-то нелегко

¹⁸ В современных исследованиях справедливо отмечено существенное отличие римской ораторской практики от греческой, которое заключается в том, что в Риме оратор (и/или председательствующий магистрат) обращался к своим слушателям с достаточного высокого возвышения, что отражало политическую иерархию римского общества, подчеркивая принадлежность выступающих с публичными речами к элите и отличия обычных граждан от носителей власти. См. Pina Polo F. *Contra arma verbis. Der Redner vor dem Volke in der späten römische Republik*. Stuttgart, 1996. S. 23–25; Corbeill. *Political Movement...* P. 199–200; Morstein-Marx. Op. cit. P. 51.

¹⁹ Hellegouarc'h J. *Le vocabulaire latin des relations et des partis politiques sous la république*. P., 1963. P. 282; Moore T.J. *Artistry and Ideology: Livy's Vocabulary of Virtue*. Frankfurt am Main, 1989. P. 137 ff.; Bernardo Y.L. *Severitas: A Study of a Roman Virtue in Cicero*. PhD Diss. Chapel Hill, 2000. P. 34–40. Подробнее о суровости военачальника как нормативном идеале см. Махлаюк А.В. «Между заискиванием и суровостью». О некоторых аспектах римской воинской дисциплины // ВДИ. 1998. № 1. С. 288 сл.; Phang S.E. *Roman Military Service. Ideologies of Discipline in the Late Republic and Early Principate*. Cambr., 2008. P. 73 ff.; 249 ff.

²⁰ Moore R.L. *The Art of Command...* 14 ff., 20 ff., 173 ff. Cp. Goldsworthy. Op. cit. P. 155–157. Р. Мор также справедливо подчеркивает, что использование такого face-to-face method во взаимоотношениях полководца и войска требовало от первого высокой степени контроля за своим внешним обликом, жестами, голосом (Ibid. P. 161, 163, 193–194).

представить плачущего полководца. Не вяжется такой образ и с современными представлениями о подобающем мужчине, и тем более воину, поведении. Конечно, упоминаемые в литературных источниках слезные мольбы военачальников можно было бы отнести на счет драматизирующей манеры античных авторов. Но подобные примеры достаточно часто встречаются на страницах сочинений греческих и римских историков, и веских оснований сомневаться в их исторической достоверности нет. Примечательно, что в греческой литературной традиции лишь герои романов эллинистического и римского времени начинают активно проливать слезы, тогда как, например, нормативные персонажи Геродота не плачут²¹.

Действительно, на первый взгляд такой способ поведения с трудом сочетается с тем, что известно о тех широких полномочиях, которыми в соответствии с военными обычаями и правовыми нормами располагал римский военачальник. Всем памятни и знаменита децимация, и те демонстративно устрашающие казни, к которым прибегали некоторые командиры, как, например, Сципион Старший при расправе с легионерами, поднявшими мятеж в Сукроне в 206 г. до н.э. (Polyb. XI. 26; Liv. XXVIII. 26. 3; App. Iber. 36; Zonar. IX. 10)²². Достаточно напомнить, что командующий имел право казнить за всякое неповиновение (*contumacia omnis adversus ducem vel praesidem* – D. 49. 16. 6. 2), а под понятие мятежа попадали даже выкрики (*vociferatio*) и незначительные жалобы (*leves querelae*), и виновные подлежали достаточно строгому наказанию (D. 49. 16. 3. 20; Ex Ruffo leg. mil. 16; 17; ср. Tac. Ann. I. 19. 2)²³. Для того чтобы не допустить мятежа, важно было в дисциплинарной практике найти оптимальный баланс «между заискиванием и суровостью»²⁴. По большому счету его достижение всегда было целью римских военачальников, но особенно важное значение это приобрело в условиях постоянной профессиональной армии. Но коль скоро и паче чаяния мятеж все-таки возникал, чтобы справиться с ним (а он очень часто грозил смертью и

²¹ См. Суриков И.Е. Греческий роман и греческое понимание характера // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва–Магнитогорск, 2000. Вып. 9. С. 22–28; *он же*. Квази-Солон, или Крез в персидском плену (К вопросу о повествовательном мастерстве Геродота) // История: мир прошлого в современном освещении. Сборник научных статей к 75-летию со дня рождения профессора Э.Д. Фролова. СПб., 2008. С. 79. Э. Флайг, кстати сказать, отмечает, что слезы как средство воздействия военачальника на воинов были невозможны в греческом гражданском войске (*Flaig. Ritualisierte Politik*... S. 112; 269. Ann. 16), но не ставит вопрос о причинах этого отличия. Не вдаваясь в подробное обсуждение данного вопроса, можно предположить, что дело заключалось в отсутствии такой социальной дистанции между командующим и рядовым, как в эллинистическом и римском мире.

²² Об этом мятеже специально см. *Chrissanthos S.G. Scipio and the Mutiny at Sucro*, 206 B.C. // *Historia*. 1997. 46. 2. P. 172–184.

²³ О содержании понятия воинского мятежа см. *Chrissanthos. Seditio. Mutiny*... P. 7–12; *Carney E. Macedonians and Mutiny; Discipline and Indiscipline in the Army of Philip and Alexander* // *CPh*. 1996. 91. P. 19–21; *Махлаюк А.В. Seditio militum* в римском военном праве // VII Чтения памяти профессора Н.П. Соколова. Н. Новгород, 2000. С. 41–45; *он же*. Солдаты Римской империи... С. 230 сл. Наиболее подробная классификация различных видов солдатских волнений предложена в работе: *Brice. Op. cit.* P. 65–72.

²⁴ *Махлаюк*. «Между заискиванием и суровостью»... С. 286–300. Ср. *Moore R.L. The Art of Command*... 12 f., 32; *Phang. Op. cit.* P. 249–284. Ср. *Combès R. Imperator (Recherches sur l'emploi et la signification du titre d'imperator dans la Rome républicaine)*. P., 1966. P. 253 suiv. На необходимость соблюдать равновесие между заискиванием и суровостью обращается внимание и в сфере политической деятельности (*Hellegouarc'h. Op. cit.* P. 288–289, 293).

командирам, и самому командующему), применялся весьма широкий спектр средств, границы которого можно обозначить, используя выражения Тацита: с одной стороны, это *comitate permulcendum militem* («ублаговторение воинов ласковым обращением»), а с другой – *fortiora remedia*, вплоть до *promisca caedes* («расправы со всеми без разбора [правых и виноватых]») (Ann. I. 29. 3; 48. 1).

В пределах этого спектра располагается и такое средство, как обращение к солдатам «с мольбами и слезами» (*cum precibus et lacrimis*). В глазах такого приверженца староримских аристократических идеалов, как Тацит, подобное поведение полководца (императора) явно противоречит достоинству высшей власти – *contra decus imperii*, как пишет историк о соответствующих действиях Отона (Tac. Hist. I. 82. 3)²⁵. Но всегда ли эти «мольбы и слезы» могут трактоваться столь однозначно и рассматриваться как проявление непристойной слабости перед лицом своевольной солдатской массы?

Чтобы ответить на поставленные вопросы, обратимся к некоторым примерам, оказавшимся обойденными вниманием исследователей. Плутарх в биографии Помпея рассказывает, как тот, участвуя под началом своего отца в походе против Цинны, узнал, что агентами последнего на него самого и отца готовится покушение; юный Помпей предпринял меры, чтобы избежать убийства, но мятеж воинов, питавших ненависть к полководцу, все равно вспыхнул²⁶; и в то время, пока его отец прятался в палатке, охраняемой караулом, приставленным Помпеем, последний открыто появился среди снимавшихся с лагеря мятежных воинов и «с плачем (*δακρύων*) умолял их не покидать отца и, наконец, бросился ничком на землю перед воротами лагеря. Там он лежал и, проливая слезы (*κλαίῳν*), просил уходящих воинов растоптать его ногами» (Plut. Pomp. 3; пер. Г.А. Стратановского). Эти действия возымели эффект: большинство воинов, устыдившись, вернулись к повиновению. Судя по общему контексту рассказа Плутарха, Помпей имел возможность обезопасить себя и отца от покушения, однако, чтобы положить конец мятежу, пошел на неординарные меры и действовал так отнюдь не спонтанно, но рассчитывал на успех, исходя из понимания солдатской психологии. Важно, что в данном эпизоде мы видим не только предельное «отрицание социальной дистанции» между подчиненными и военачальником, но и решительное выражение готовности умереть, что вряд ли можно расценивать как утрату последним самоконтроля в критической ситуации.

Успешно воспользовался аналогичным приемом и Корнелий Цинна, обратившийся после отрешения от консулата в 87 г. до н.э. к легионам в Капуе. По свидетельству Аппиана (BC. I. 65–66), он выступил перед войском на сходке, сло-

²⁵ Здесь Тацит следует устоявшейся практике, в соответствии с которой исполняющий свои обязанности магистрат не должен допускать открытого проявления чувств и тем более потери самообладания вплоть до пролития слез. Ср. Call. 1 de cogn. D. 1. 18. 19: «Тому, кто вершит суд, следует позаботиться о том, чтобы он был легко доступен, но он не должен терпеть неуважения (к себе). Вследствие этого в мандатах добавляется, что президам провинций не следует допускать чрезмерной дружбы с провинциалами, поскольку из общения на равных происходит неуважение к достоинству. 1. Но (также) и в ходе судебного разбирательства им не следует ни воспламеняться гневом на тех, кого они считают дурными людьми, ни обливаться слезами (*inlacrimari*) в ответ на просьбы несчастных, ведь твердому и справедливому судье не свойственно, чтобы его лицо обнаруживало побуждение его души. Одним словом, он должен вершить суд таким образом, чтобы своим разумом умножать авторитет своего достоинства» (пер. А.Л. Смышляева).

²⁶ Данный случай почему-то не учтен в той сводке мятежей I в. до н.э., которую дает в своей диссертации С. Хрисантос.

жил фасции и со слезами (*δακρύδας*) произнес речь, а потом, сильно разжалобив присутствующих своей участью, разорвал одежду, сбежал с трибунала, бросился в толпу и долго лежал там, до тех пор, пока его не подняли и не посадили снова на кресло, вернув ему фасции. Создается впечатление, что Цинна вполне сознательно и целенаправленно произвел весь этот спектакль, прибегнув к столь экстравагантным ораторским приемам²⁷. Напротив, подобные действия в исполнении Флавия Фимбрии во время мятежа его воинов, отказавшихся воевать против Суллы, были скорее спонтанными и не принесли ему желаемого результата (App. Mithr. 59). Мольбы и заклинания не помогли и легату Авлу Постумию Альбину, командовавшему легионом в 89 г. до н.э. во время Союзнической войны: он был забит камнями на воинской сходке (Val. Max. IX. 8. 3; Liv. Per. 75; Plut. Sul. 6; Oros. V. 18. 23)²⁸. Слезы и разрывание на себе одежды использовал Юлий Цезарь в 49 г. до н.э., когда после переправы через Рубикон он, выведя на сходке бежавших к нему изгнанников-трибунов, умолял солдат о верности²⁹. В том же году к слезам прибегает и Марк Петрей в Испании: плача (*flens*), он упрасивает своих воинов сохранить преданность ему и Помпею (Caes. BC. I. 76. 1) и на время достигает цели. Полный набор экстремальных средств³⁰ использовал наместник Паннонии в 69 г. н.э. Тампий Флавиан, казни которого требовали мятежные солдаты: он разрывал на себе одежды, рыдал, простирался на земле перед легионерами, с мольбой протягивал к ним руки³¹, но безрезультатно; и если бы не решительность Антония Прима, он был бы убит разъяренными воинами (Tac. Hist. III. 10). Командующий войском вителлианцев в 69 г. н.э. Фабий Валент, который был вынужден спастись бегством и спрятаться от своих мятежных солдат, после того как мятеж пошел на убыль, появился перед раскаявшимися мятежниками плачущий (*flens*), в безобразной одежде, и воинами «овладела радость, сострадание и любовь к своему полководцу» (Tac. Hist. II. 29; пер. Г.С. Кнабе). Показательно, что ликующая толпа окружила Валента штандартами когорт и орлами легионов и водворила его на трибунал: этот акт фактически – и символически – означал его восстановление в статусе командующего³².

²⁷ См. Lovano M. The Age of Cinna: Crucible of Late Republican Rome. Stuttgart, 2002. P. 36 f. Cp. Millar. The Crowd in Rome... P. 226; Blois L. de. Army and General... P. 172.

²⁸ Это, кстати сказать, первый успешный случай солдатского мятежа в римской истории с 325 г. до н.э. (Chrissanthos. Seditio. Mutiny... P. 109).

²⁹ Suet. Div. Iul. 33: pro contione fidem militum flens ac veste a pectore discisa invocavit...

³⁰ Некоторые из этих средств применялись не только во время мятежа, но и в других критических ситуациях. Так, когда в лагере Авла Цецины, военачальника Германика, из-за ложной тревоги ночью возникла паника и ни приказы, ни просьбы никак не действовали на солдат, бросившихся бежать, он стал хватать их за руки и наконец лег в самом проходе лагерных ворот, и бегство было остановлено только тем, что солдаты посовестились пройти по телу легата (Tac. Ann. I. 66. 2).

³¹ supplicis manus tenderet, humi plerumque stratus, lacere veste, pectus atque ora singultu quatens.

³² О соответствующей атрибутике воинской сходки, символически подчеркивающей дистанцию между командующим и подчиненными, см. Махлаюк. Солдаты Римской империи... С. 210 слл. (со ссылками на источники); David. Les contiones militaires... P. 223 suiv.; Sommer M. Der Kaiser spricht. Die *adlocutio* als Motiv der Kommunikation zwischen Herrscher und Heer von Caligula bis Konstantin // Krieg – Gesellschaft – Institutionen. Beiträge zu einer vergleichenden Kriegsgeschichte / Hrsg. B. Meißner, O. Schmitt, M. Sommer. B., 2005. S. 343 f.

В данном эпизоде примечательно и то обстоятельство, что, согласно Тациту, сами солдаты, оказавшись без командования³³, просили о прощении *cum precibus ac lacrimis*. Вообще, надо заметить, рядовые воины в некоторых эмоционально-острых ситуациях, так же, как и военачальники, не стесняются выражать свои чувства слезами. Тех же вителлианских легионеров буквально до рыданий (*effusis lacrimis*) проняла речь Клавдия Косса, посла столицы гельветов Авентика, убеждавшего воинов помиловать жителей и не предавать разграблению город (*Tac. Hist. I. 69*). Когда римские воины, воевавшие в Испании во время Второй Пунической войны после гибели обоих Сципионов избрали в качестве нового командующего всадника Луция Марция и должны были вступить под его началом в битву с пунийцами, то, уже после подачи сигнала к бою, вспомнив, какие полководцы еще недавно водили их в бой, они дружно разрыдались, стали биться головой оземь, валяться по земле, корить богов, взывать к своим погибшим полководцам³⁴. С плачем (*δακρυσι*) и нескончаемыми объятиями провожали легионеры Катона Младшего после окончания его службы в качестве военного трибуна в провинции Македонии (*Plut. Cato min. 12. 1*). Слез радости (*elicitae gaudio lacrimae*) не могут сдержать старые солдаты при встрече с Тиберием, с которым служили прежде, когда он прибыл в качестве командующего в Германию (*Vell. II. 104. 4*). Во время мятежа паннонских легионов некий рядовой воин Вибулен, чтобы еще больше возбудить мятежный дух солдат и настроить их против командиров, прибегает к тем же средствам воздействия, что и военачальники, но только, так сказать, с обратным знаком: рассказывая о вымышленном убийстве своего брата командирами, он подкрепляет свои слова плачем, ударяет себя в грудь и лицо, припадает к ногам сослуживцев³⁵. Исходя из этих свидетельств, не будет, наверное, преувеличением заключить, что люди, склонные к подобным проявлениям эмоций, и сами – уже в качестве аудитории, к которой обращался полководец, – были весьма восприимчивы к слезам, используемым как специфическое средство коммуникации, обладающее большой экспрессивной силой, особенно в сочетании с другими семантически наполненными жестами. Нужно, однако, внести одно небольшое уточнение в вывод Э. Флайга, согласно которому сила этого воздействия обусловлена тем, что слезы полководца означали утрату им контроля над собой³⁶. Они именно означали эту утрату в восприятии воинов. Но далеко не всегда слезы полководца на деле являлись проявлением его слабости³⁷. В большинстве приведенных примеров,

³³ Решающую роль в окончательном пресечении мятежа сыграла хитрость префекта лагеря Алфена Вара, который, заметив, что восстание пошло на убыль, запретил центурионам обходить посты, а трубачам созывать войско на работу и учения, что привело воинов в замешательство (*Tac. Hist. II. 29*).

³⁴ *Liv. XXV. 37. 9*: *flere omnes repente et offensare capita et alii manus ad caelum tendere deos incusantes, alii strati humi suum quisque nominatim ducem implorare*. Отметим, однако, что сам Марций, утешая и увещевая не в меру возбудившихся воинов, уподобляет такое их поведение женскому: *in muliebres et inutiles se proiecissent fletus* (*Ibid. XXV. 37. 10*).

³⁵ *Tac. Ann. I. 23. 1*: *fletu et pectus atque os manibus verberans... praeceps et singulorum pedibus advolutus*.

³⁶ *Flaig. Ritualisierte Politik... S. 113*.

³⁷ Стоит, впрочем, оговориться, что в римской традиции маскулинные качества связывались прежде всего с обладанием властью и способностью к самоконтролю. См. *Williams C.A. Roman Homosexuality. Ideologies of Masculinity in Classical Antiquity. N.Y.–Oxf., 1999. P. 138 ff.; Barton. All things Beseem the Victor...; Alston R. Arms and the*

как нам кажется, можно обнаружить столь же сознательное использование данного «жеста» с целью вызвать у аудитории определенную реакцию, как и в выступлениях судебных ораторов³⁸. Разумеется, в глазах простых солдат, не особенно искушенных в ораторских приемах³⁹, эти слезы могли выглядеть вполне искренними, и именно поэтому они достигали того эффекта, на который были рассчитаны.

Следует также сказать, что слезы и обход солдатских палаток полководцем как особое средство установления «близости» между командующим и его войнами практиковались не только в ситуации мятежа. Так, Марк Антоний, пытаясь ободрить своих легионеров после поражения во время парфянского похода, со слезами сострадания на глазах (δεδοκρυμένος καὶ περὶ αὐθῶν) обходил палатки, пожимал руки раненым – и получил в ответ искомую реакцию: войско воспрянуло духом и изъявляло любовь к полководцу (Plut. Ant. 43. 2). Римскими военачальниками слезы проливаются – публично и без стеснения – и в совершенно иных обстоятельствах. Клавдий Марцелл, перед тем как отдать Сиракузы на разграбление своим войнам, долго плачет (ἐπὶ πολὺ δακρῦσαι) в присутствии своей свиты, глядя на красоту и величие города и сострадая его участи (Plut. Marcel. 19. 1). При виде окончательной гибели Карфагена и из сострадания к поверженному врагу рыдает (δακρῦσαι) Сципион Эмилиан (Polyb. XXXVIII. 22. 1; ср. Diod. XXXII. 24; App. Lib. 19. 132). Гай Марий, которому во время бегства от преследовавших его по пятам сулланцев с трудом удалось перебраться на случайно проходивший мимо грузовой корабль, со слезами молил (ἰκετεύοντος δὲ τοῦ Μαρίου καὶ δακρύντος) судовладельцев не выдавать его появившимся на берегу преследователям (Plut. C. Mar. 37. 2). Германик со слезами (multo cum fletu) уговаривает Агриппину покинуть мятежный лагерь (Tac. Ann. I. 40. 3). Он же обливается обильными слезами (plurimis cum lacrimis) после того как, прибыв в Старые лагеря, увидел результаты той жестокой расправы над зачинщиками мятежа V и XXI легионов, которая была учинена там силами верной части легионеров (Tac. Ann. I. 49. 2).

В последних четырех эпизодах расчет на окружающую солдатскую массу (а не на читателя данного повествования), как таковой, отсутствует, и они важны, поскольку свидетельствуют о том, что слезы как форма эмоциональной реакции и проявление слабости в определенных ситуациях не считались римлянами чем-то позорным, несовместимым с мужественностью и достоинством носителя

Man: Soldiers, Masculinity and Power in Republican and Imperial Rome // When Men Were Men. Masculinity, Power and Identity in Classical Antiquity / Ed. L. Foxhall, J. Salmon. L.–N.Y., 1998. P. 205–223. В ряде высказываний римских авторов несдержанность на слезы трактуется как сугубо женское качество. Ср., например: Cic. Tusc. disp. II. 48: si se lament muliebriter lacrimisque dedet; Sen. Dial. XII. 16. 1: non est quod utaris excusatione muliebris nominis, cui paene concessum est immoderatum in lacrimis ius. Однако Сенека вполне допускает даже для стоического мудреца возможность и необходимость давать волю слезам в определенных ситуациях (Sen. Ep. XCIX. 15–21; 26–27).

³⁸ Слезы и рыдания прямо признаются необходимым и важным элементом выступления искусного оратора. См., например: Cic. De orat. II. 47. 196; Quint. Inst. or. VI. 2. 36. Указаниями на рыдания (как самого оратора, так и его аудитории) полны речи Цицерона (например: Red. Quir. 12; Pro Lig. 5. 13; 11. 32–33). Аналогичную картину можно видеть и в греческой судебной практике, где слезы и рыдания как средство эмоционального воздействия играют очень важную роль. См. Кудрявцева. Ук. соч. С. 12 слл.

³⁹ Впрочем, по мнению Г. Алдрете, знание формальных ораторских жестов было широко распространено даже среди беднейших классов (Aldrete. Op. cit. P. 50).

высшей военной власти. Они входили в «арсенал» политических и судебных ораторов и, очевидно, потому были достаточно эффективным средством, что его применение находило прямой отклик в душах слушателей. А это, помимо всего прочего, означает, что в римском обществе принятые формы выражения эмоций существенно отличались от современных⁴⁰. Характерно в этом плане то противопоставление, которое делает Плиний Младший в своем «Панегирике Траяну», отмечая, что римский народ дал одному из прежних принцепсов прозвище «красивого», а Траяну – «доблестного», восхвалив криками одобрения «у того его ораторские способности и голос, а у этого его милость, скромность и кротость» (пер. В.С. Соколова)⁴¹; при этом панегирист подчеркивает в «лучшем принцепсе» его способность испытывать стыд и не скрывать слез в ответ на обращенные к нему восхваления⁴². Эту способность Траяна Плиний понимает как знак его искренности, видя в такой реакции скромность, человечность, доступность, особую близость правителя подвластным⁴³. Важно и то, что данные качества связываются автором с поведением, достойным гражданина и сенатора⁴⁴.

Следует остановиться далее еще на одной, достаточно часто упоминаемой в источниках форме знакового поведения полководца в ситуации мятежа. Это твердо демонстрируемая полководцем решимость умереть, но не уступить требованиям мятежных солдат⁴⁵. По своему смыслу данный жест, казалось бы, может рассматриваться как противоположный «мольбам и плачу», означающим утрату самоконтроля, как высшая степень самообладания и мужества военного лидера перед лицом бунтующих воинов⁴⁶. Однако, как показывает приведенный

⁴⁰ Как замечает Р. МакМаллен, философы-стоики могли осуждать шумные, драматизированные оргии эмоций (loud, self-dramatizing orgies of emotions), но само их упоминание скорее предполагает, что люди из высших сословий Империи поощряли и уважали эти чувства (McMullen. Op. cit. P. 255).

⁴¹ Plin. Pan. 2. 7: Et populus quidem Romanus... paullo ante concentu formosum alium, hunc fortissimum personat; quibusque aliquando clamoribus gestum alterius et vocem, huius pietatem, abstinenciam, mansuetudinem laudat.

⁴² Ibid. 2. 8: Ad quas ille voces lacrymis etiam ac multo pudore suffunditur. Ср. с реакцией Августа на выступление Валерия Мессалы, предложившего от лица сената наградить принцепса титулом отца отечества: ответную речь он произносит со слезами на глазах (Suet. Div. Aug. 58. 2: cui lacrimans respondit Augustus).

⁴³ Barton. Roman Honor... P. 231.

⁴⁴ Plin. Pan. 2. 8: humanitatem, temperantiam, facilitatem, ut amor et gaudium tulit, celebrare universi solemus? Iam quid tam civile, tam senatorium, quam illud additum a nobis OPTIMI cognomen?

⁴⁵ Такого рода поведение в целом вполне соответствует достаточно распространенной в римской военной практике традиции самопожертвования полководца. См. об этой традиции: Edwards C. Death in Ancient Rome. New Haven-London, 2007. P. 19–45. К. Эдвардс даже употребляет выражение «a tradition of suicidal generals» (Ibid. P. 32). О римском отношении к самоубийству в целом см. Hill T. Ambitiosa Mors: Suicide and the Self in Roman Thought and Literature. N.Y., 2004.

⁴⁶ Такое поведение действительно требовало незаурядного мужества и твердости, поскольку в ходе мятежей полководцу угрожала реальная опасность лишиться жизни и нередко римские легионеры не останавливались перед убийством своих военачальников (см. Brice. Op. cit. P. 122; Gruen E.S. The Last Generation of the Roman Republic. Berkeley, 1974. P. 373–374). Из тридцати мятежей, которые насчитывает С. Хрисантос за период 90–40 гг. до н.э. (Chrissanthos. Seditio. Mutiny... P. 1, 47–84), пять закончились убийством командующего. Аналогичным образом дело обстояло и в период Империи, в «год четырех императоров» и особенно в III в., в период «военной анархии». Но и в условиях общего гражданского мира в I–II вв. примеры гибели полководцев и императоров от рук мятежных воинов не единичны. См., например: Suet. Claud. 13. 2 (Фурий Камилл Скрибониан); SHA. Avid. Cass. 7. 4; M. Aur. 25. 2–4; Dio

выше эпизод с юным Помпеем (Plut. Pomp. 3), а также другой случай из его военной биографии, рассмотренный Флайгом (Plut. Pomp. 13), и то, и другое вполне могло сочетаться, а значит, иметь между собой нечто общее.

Во многих случаях наглядно выраженная готовность полководца умереть могла отрезвляюще подействовать на мятежную солдатскую массу. Так, согласно Лукану, Цезарь в первых строках своей речи, обращенной к легионерам во время мятежа, вспыхнувшего после возвращения из Испании в Плаценции, восклицает: «Вот моя голая грудь, готовая к вашим ударам!» (Luc. Phars. V. 320: miles, habes nudum promptumque ad uolnera pectus; пер. Л.Е. Остроумова)⁴⁷. Юний Блез, командовавший легионами в Паннонии в 14 г. н.э., обращается с уговорами и упреками к мятежным солдатам, которые в знак единства действий трех легионов начали выкладывать из дерна общий трибунал. По свидетельству Тацита (Ann. I. 18. 3), он заявляет воинам: «Уж лучше омочите руки в моей крови: убить легата – меньшее преступление, чем изменить императору; или целый и невредимый я удержу легионы верными долгу, или, погибнув, подтолкну вас моей смертью к раскаянию!» (aut iugulatus paenitentiam adcelerabo) (пер. А.С. Бобовича). Решительность, настойчивость и красноречие легата изменили намерения солдат – те согласились избрать и отправить в Рим своих уполномоченных. Примечательно, что Блез в данной ситуации обращался к воинам не с трибунала, а буквально ворвавшись в солдатскую толпу (Ibid. I. 19). Как справедливо отмечает Л. Брайс, такое прямое «физическое» вмешательство Блеза в данном случае корреспондирует с принятой среди римских военачальников практикой использования личного примера решительных действий для восстановления дисциплины⁴⁸.

К еще более выразительному и мужественному жесту вынужден был прибегнуть Германик. Когда взбунтовавшиеся германские легионеры стали на воинской сходке предлагать ему императорскую власть и не давали покинуть собрание, он воскликнул, что скорее умрет, чем нарушит долг верности (morituum potius quam fidem exueret), выхватил меч, висевший у него на бедре, и готов был поразить себя в грудь, но его удержали находившиеся рядом офицеры. Правда, некоторые солдаты принялись всячески побуждать его к этому, а некий воин по имени Калузидий даже издевательски протянул ему свой меч, говоря, что он

Cass. LXXI. 27. 2–3 (Авидий Кассий и его приближенные); SHA. Pert. 11. 6–10; Dio Cass. LXXIII. 10. 1–2 (Пертинакс). Ср. также отзыв Тацита о Л. Вергинии Руфе, которому во время гражданской войны воины неоднократно предлагали принять императорскую власть: «Вообще трудно найти человека, которому бы столько раз грозили смертью мятежные войска; солдатам казалось, будто Вергиний их презирает, и они не могли простить ему это, хотя преклонялись перед его доблестью и славой» (Hist. II. 68. 4; пер. Г.С. Кнабе).

⁴⁷ Лукан, по сути дела, контаминирует в своем рассказе два мятежа: тот, что имел место в Плаценции, и тот, который произошел позже в Кампании, который Цезарь пресек, согласно единодушной традиции, одним только обращением «квириты» вместо «воины». У историков (Dio Cass. XLI. 27–35; App. BC. II. 47), также вкладывающих в уста Цезаря речь к мятежникам, он никак не выражает готовности погибнуть от рук собственных легионеров. О причинах и характере искажения исторической реальности у Лукана см. Fantham E. Caesar and the Mutiny: Lucan's Reshaping of the Historical Tradition in de bello civili 5. 237–373 // CPh. 1985. 80. 2. P. 119–131.

⁴⁸ Brice. Op. cit. P. 222. Not. 246 и P. 235. Not. 292 (с ссылкой на: Goldsworthy. Op. cit. P. 163–165 и Williams M.F. Four mutinies: Tacitus Annales I. 16–30; I. 31–49 and Ammianus Marcellinus Res gestae 20. 4. 9–20. 5. 7; 24. 31. 1–8 // Phoenix. 1997. 51. 1. P. 54). См. также Махлаюк А.В. Армия Римской империи. Очерки традиций и ментальности. Н. Новгород, 2000. С. 105 слл.

острее. Если верить рассказу Тацита, именно эта выходка показалась чудовищной и непристойной охваченной яростью солдатской толпе и привела ее в замешательство (Tac. Ann. I. 35. 4–5; ср. Dio Cass. LVII. 5. 1–2). Вряд ли можно сам этот эпизод считать вымышленным⁴⁹ (тем более если учесть, что Тацитом названо даже имя этого рядового солдата: имена рядовых участников исторических событий упоминаются историком лишь в исключительных случаях). И все же, на наш взгляд, первичным импульсом для перелома в настроении солдат был жест самого полководца, который, пожалуй, только так мог решительно отвергнуть то, что выглядело как явная провокация, и продемонстрировать свою доблесть и верность по отношению к новому принцепсу и своему приемному отцу⁵⁰. Л. Брайс совершенно прав, когда, не соглашаясь с распространенным толкованием данного жеста Германика как мелодраматического, как бесполезного проявления слабости и некомпетентности⁵¹, подчеркивает, что, несмотря на свою театральность, действия римского военачальника отнюдь не были каким-то необычным актом отчаяния, и этот риторический жест был эффективен⁵².

В упомянутом выше эпизоде с паннонским наместником Тампием Флавианом действия, предпринятые для его спасения Антонием Примом, представляют собой прямую противоположность поведению самого Флавиана и достигают эффекта. Антоний, увидев, что его приказ заковать Флавиана в кандалы солдат не успокоил и они все равно жаждут крови и, бросившись к трибуналу, разогнали охранявшую его стражу, сорвал с пояса меч и, подставив грудь солдатам и обращаясь к самым известным и заслуженным из них⁵³, стал требовать, чтобы они убили его, и клялся, что, если они его не зарубят, он сам покончит с собой, а затем повернулся к боевым штандартам и изображениям богов (*ad signa et bellorum deos*) и обратился к ним с мольбой вдохнуть дух бешенства и раздора, овладевший его армией, в сердца неприятелей (Tac. Hist. III. 10). В итоге войны вер-

⁴⁹ По мнению Л. Брайса, этот эпизод может быть топосом, заимствованным обоими авторами в каком-то общем источнике. Данный эпизод напоминает ситуацию, в которой оказался Октавиан во время мятежа своей армии после битвы при Навлохе в 36 г. до н.э. (*App. BC. V. 128*). См. *Brice. Op. cit. P. 173. Not. 89*. О различиях в изложении событий мятежа германских легионах в наших источниках см. *Malloch S.J.V. The End of the Rhine Mutiny in Tacitus, Suetonius, and Dio // CIQ. 2004. 54. 1. P. 198–210.*

⁵⁰ *Williams. Four mutinies... P. 53–54.*

⁵¹ Ср. в особенности резкое замечание Л. Ратлэнда, который называет этот жест Германика «лицедейским и вполне нелепо-сентиментальным» («an histrionic and rather absurdly sentimental gesture»). См. *Rutland L.W. The Tacitean Germanicus: Suggestions for a Re-evaluation // RhM. 1987. 130. P. 155*. Аналогичные мнения высказываются также в следующих работах: *Shotton D.C.A. Tacitus, Tiberius and Germanicus // Historia. 1968. 17. P. 197–198*; *Goodyear F.R.D. Commentary // Tacitus. The Annals. Books I–II / Ed. F.R.D. Goodyear. Vol. 1. Cambr., 1971. P. 240*; *Ross D.O. The Tacitean Germanicus // YCS. 1973. 23. P. 215*; *McCulloch H.Y. Narrative Cause in the Annals of Tacitus. Königstein, 1984. P. 89*; *Barrett A.A. Caligula: The Corruption of Power. N.Y., 1996. P. 26.*

⁵² *Brice. Op. cit. P. 221–222. Not. 246.* Автор отмечает, что подобного рода практика не получила освещения в исследовательской литературе, и ссылается (кроме работ, указанных нами в прим. 47) еще только на две: *Rosenstein N. Imperatores victi: Military Defeat and Aristocratic Competition in the Middle and Late Republic. Berkeley, 1990. P. 114–151* (здесь в основном идет речь о личном вмешательстве римских военачальников в битву с целью воодушевить воинов и преодолеть их нерешительность или неповиновение); *Pelling C. Tacitus and Germanicus // Tacitus and Tacitean Tradition / Ed. T.J. Luce, A.J. Woodman. Princeton, 1993. P. 62. Not. 8* (сравнение поведения Германика с действиями Помпея в рассмотренном нами эпизоде).

⁵³ По всей видимости, Антонию в этой ситуации пришлось спуститься с трибунала.

нулись к повиновению. Не менее доблестно повел себя с мятежными воинами Авидий Кассий: выйдя к ним обнаженным, прикрытым одним только набедренником, он подставил солдатам грудь и призвал их пронзить его, если посмеют, и добавить к нарушению дисциплины еще и преступление. «Все присмирели, – пишет биограф, – так как он внушал к себе страх тем, что сам не утратился» (*tunc conquiescentibus cunctis meruit timeri, quia ipse non timuit*) (SHA. Avid. Cass. 4. 7–8; пер. С.П. Кондратьева)⁵⁴.

Однако далеко не всегда твердость и решительность командующего в ситуации воинского мятежа приносила успех. Не редки случаи, когда мятеж, несмотря на проявленное полководцем мужество и использование соответствующих демонстративных жестов и словесного обращения, завершался его убийством или вынужденными уступками требованиям мятежников, т.е. фактической победой солдат. Так, согласно версии большинства писателей, на которую ссылается Тацит, погиб Гальба: он мужественно подставил горло убийцам со словами «Делайте, что задумали⁵⁵, и убейте меня, если так нужно для государства» (Tac. Hist. I. 41. 3). Император Нерва, когда взбунтовавшиеся преторианцы, подстрекаемые префектом претория Касперием Элианом, стали требовать казни некоторых людей, стойко противился им и, не желая уступать, даже обнажил ключицу и подставил им горло, но в итоге воины все равно добились казни неугодных (Dio Cass. LXVIII. 3. 3).

Таким образом, подводя итог, можно констатировать, что в ситуации воинского мятежа не существовало – да и не могло, наверное, существовать – универсальной парадигмы поведения полководца, как не существовало одинаковых причин и конкретных обстоятельств, толкавших воинов на выступление против власти командующего и(или) императора. Различными были по своему составу, опыту, условиям службы и отдельные армии. Понятно также, что у каждого военного лидера были свои личностные особенности, свой собственный «стиль» командования и взаимоотношений с воинами, а соответственно – и разная степень авторитета, и неодинаковые возможности оказывать влияние на подчиненных. В некоторых случаях отдельным незадачливым военачальникам не оставалось ничего иного, как спастись бегством от ярости войска и прятаться в самых неожиданных местах⁵⁶. Другим же удавалось сохранить лицо, даже фактически согласившись на выполнение требований мятежного войска, как, например, Юлию Цезарю во время знаменитого мятежа 47 г. до н.э. в Кампании, который он пресек, обратившись к воинам со словом «квириты»⁵⁷. Неудивительно поэтому, что в зависимости от неповторимого сочетания указанных факторов римские военачальники в ситуации мятежа могли прибегать к самым разнообразным средствам, нацеленным в первую очередь на восстановление порядка и дисциплины, но также и на спасение собственной жизни или жизни своих командиров. Вариативность этих средств, как мы пытались показать, была весьма велика.

⁵⁴ Скорее всего, данный эпизод относится к литературной «топике», но показывает одну из граней позитивного идеала римского военачальника.

⁵⁵ *Nos agere* («делать свое дело») – обрядовая формула, применявшаяся жрецом, подающим знак к жертвоприношению. Ср. *Suet. Galba*. 20. 1, а также *Plut. Galba*. 26; *Dio Cass. LXIV*. 6. 3, где дается несколько иная версия данного эпизода.

⁵⁶ Приведем только один пример. Наместник Мезии в 69 г. н.э. Апоний Сатурнин, когда поднявшие против него мятеж солдаты ворвались в парк, окружавший его виллу, спрятался в печи одной из бань (*Tac. Hist. III*. 11).

⁵⁷ См. об этом мятеже наиболее подробно: *Chrissanthos S.G. Caesar and the Mutiny of 47 B.C.* // *JRS*. 2001. 91. P. 63–75.

Если же оценивать рассмотренный нами материал с точки зрения семантики жестов и эмоциональных реакций, следует подчеркнуть следующие моменты. Во-первых, что касается использования такого жеста, как «мольбы и слезы», то правомерным представляется вывод о том, что, несмотря на весь объем своих властных полномочий и широкий спектр средств дисциплинарного принуждения, римские полководцы прибегали, по сути дела, к тем же убеждающим и/или принуждающим жестам и формам знакового поведения, что и политики в общении с гражданами в мирной обстановке на городских сходках⁵⁸. «Грамматика», символический «язык» этих жестов, укорененные в римских традициях и эмоциональной сфере, были, по-видимому, хорошо знакомы солдатской массе, и поэтому, очевидно, во многих случаях их применение оказывалось достаточно эффективным даже в такой критической ситуации, как воинский мятеж. Во-вторых, не меньшую знаковую нагрузку имела и открытая демонстрация готовности погибнуть или покончить с собой, сохраняя верность долгу полководца и достоинство высшей власти. Но если в первом случае решающее значение имели «снятие» социальной дистанции между начальствующими и подчиненными, ее буквальное, физическое преодоление, а также апелляции, так сказать, к сентиментально-эмоциональным компонентам солдатской психологии⁵⁹, то во втором, напротив, даже при непосредственном физическом контакте с солдатской массой, акцентировались высшая степень самообладания перед лицом смертельной опасности, нерушимость военной империи, отнять который могла только смерть; в этом случае военный лидер апеллировал не к эмоциональной солидарности, не к сочувствию, но к воинской чести солдат, которые сами не раз смотрели смерти в глаза и поэтому способны были оценить мужество своего полководца, готового умереть достойно, в традициях римской доблести⁶⁰. Вместе с тем и тот, и другой вариант поведения означал радикальный разрыв с обычным, повседневным модусом взаимоотношений военачальника и рядовых, перевод этих взаимоотношений в совершенно иную семантическую и эмоциональную сферу, в которой действовали уже не приказ и принуждение, а другие механизмы коммуникации, основанные на убеждении и внушении, а достижение консенсуса и разрешение кризиса зависели от того, правильно ли будет понят знаковый язык и возникнет ли необходимый эмоциональный резонанс между антагонистами того «спектакля», который назывался *sedition militum*. И оба этих варианта рассматривались как приемлемые и даже стандартные в соответствующих ситуациях. Сам выбор именно данного «языка» коммуникации в немалой степени определялся конкретной ситуацией и соответственно поведенческие нормы имели не абсолютный, а ситуативный характер.

⁵⁸ Как верно подметил Дж. Роув по поводу мятежей паннонских и германских легионов в 14 г. н.э., эти солдатские восстания, отмеченные насилием и суевием, зародились, развивались и закончились на воинских сходках (*Rowe. Op. cit. P. 162; ср. P. 172*). По сути дела, то же самое можно сказать и о большинстве других мятежей в римской армии.

⁵⁹ Учитывая все изложенное выше мы вполне можем согласиться с мнением Р. Кастера о том, что примеры эффективной апелляции к чувству стыда и чести чаще всего встречаются в военной среде, где сохранялось закрытое и относительно небольшое сообщество с ясными и едиными ценностями. См. *Kaster. The Shame of the Romans. P. 17–18. Not. 44* (с примерами из источников).

⁶⁰ Мужественная смерть военного лидера в безвыходной ситуации могла оказать на простых воинов воодушевляющее воздействие и стать образцом для подражания, даже если это было самоубийство, как, например, в случае с императором Отоном, покончившим с собой после поражения от вителлианцев. См. *Tac. Hist. II. 49; Suet. Otho. 12. 2; Plut. Otho. 17; Dio Cass. LXIII. 15. 1²–2^b; Aur. Vict. Caes. 7. 2*. Подробно об этом эпизоде см. *Edwards. Op. cit. P. 32, 36–39*. Ср. также *Griffin M. Philosophy, Cato, and Roman Suicide: II // G&R. 2nd Ser. 1986. 33. 2. P. 199–200*.

THE ROMAN GENERAL IN TIMES OF MUTINY: GESTURES AND EXPRESSION OF EMOTIONS

A. V. Makhlayuk

The article deals with certain ways of the Roman generals' behaviour before their troops in times of mutiny. This subject has not attracted due attention of scholars (except a few pages in E. Flaig's recent book). There was a surprisingly large number of situations when the commander addressed his army with prayers and tears, assuming a supplicant pose, even prostrating himself at soldiers' feet, rending his clothes, threatening to stab himself or to commit suicide in some other way. The author examines a series of such episodes of Roman history dating from the late Roman Republic to the late Principate analysing them from the semantic point of view. Naturally, extreme situations called for extreme gestures. However, some of these gestures were used not only in times of mutiny, but also in other situations to influence the army's mood. The gestures were similar to those employed by Roman orators in their speeches in court, as well as before the senate and people's assemblies. In spite of the variety of particular situations and possible means a commander could resort to in order to restore the obedience or to save his own life, the main purpose of such behaviour was to decrease tension during the critical moments by means of shortening the social and psychological distance between the commander and his troops. The symbolic «language» of these gestures and expressions, being deeply rooted in the Roman traditions and sensitivity, was, no doubt, rather familiar to Roman legionaries. Therefore, it was the control of those means that allowed Roman generals to be able to suppress mutinies effectively. If the commander's weeping and other forms of supplication appealed, first of all, to the emotional and sentimental sides of a soldier's soul, the undisguised demonstration by the commander of his will to die was a direct appeal to soldiers' sense of military honour. But both ways of behaviour meant a radical rupture with the common, daily mode of interaction between the general and his troops; both these ways transferred that interaction to an absolutely different semantic and emotional dimension. And they both were considered to be acceptable, even standard in appropriate situations.

© 2008 г.

И. Е. Ермолова

ОТНОШЕНИЕ АММИАНА МАРЦЕЛЛИНА К ТРУДУ ИСТОРИКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА*

О жизни Аммиана Марцеллина не сохранилось никаких данных, неизвестны даже точные даты его рождения и смерти. Оригинальное название его сочинения – «*Res gestae*», т.е. «Деяния». Интерпретировать такое название можно двояко: либо имеются в виду *res gestae populi Romani* (деяния римского народа), либо «*res quas ego gessi*»¹ (свершения самого автора). Исследователи творчества Аммиана Марцеллина единодушно считают верным первый вариант толкования наименования, так как его монументальный исторический труд

* В основе данной статьи лежит доклад «Исторические принципы Аммиана Марцеллина и их практическое воплощение в тексте “Деяний”», сделанный на XV Чтениях памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто (Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его текст. XV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2003. С. 95–100).

¹ *Sabbah G. La méthode d'Ammien Marcellin: Recherches sur la construction du discours historique dans les Res Gestae. P., 1978. P. 2.*